ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2025. Том 18. Выпуск 2 | 2025. Volume 18. Issue 2
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Формирование историко-идеологического компонента в системе образования Хорезмской области Узбекистана в 1924-1929 гг.

Кенджаев Б. Б., Науменко О. Н.

Аннотация. Цель исследования – выявить особенности формирования историко-идеологического компонента в системе образования Хорезмской области в первое пятилетие после Хивинской революции (1924-1929 гг.). Научная новизна работы заключается в привлечении ранее не исследованных архивных источников и их анализе с позиции эффективности введенных мер для решения поставленных задач. В статье рассмотрены условия для реализации реформы, в том числе формирование преподавательского состава с привлечением кадров из России. Результаты исследования показали, что советская образовательная политика по изменению идеологических ориентиров проводилась продуманно, осторожно и целенаправленно, однако достичь полученной эффективности было невозможно без готовности беднейших слоев местного общества к социальным изменениям.

EN

The formation of the historical-ideological component in the education system of the Khorezm region of Uzbekistan in 1924-1929

B. B. Kenjaev, O. N. Naumenko

Abstract. This research aims to identify the specific features of the formation of the historical-ideological component within the education system of the Khorezm region in the first five years after the Khiva Revolution (1924-1929). The scientific novelty of the work lies in the use of previously unexamined archival sources and their analysis from the perspective of the effectiveness of the introduced measures in solving the assigned tasks. The article examines the conditions for the implementation of the reform, including the formation of the teaching staff with the involvement of personnel from Russia. The research results show that Soviet educational policy on changing ideological orientations was carried out thoughtfully, carefully, and purposefully, but achieving the resulting effectiveness would have been impossible without the readiness of the poorest strata of local society for social changes.

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что современные внутренне- и внешнеполитические события в России и других странах свидетельствуют о важности исторических знаний для формирования общества, единого в своих мировоззренческих установках. Игнорирование значимости исторического образования приводит к сложным процессам внутри государства и ослабляет его. Узбекистан традиционно отличается уважением к своей истории, что веками транслируется подрастающим поколениям через систему образования и воспитания. Одна из интереснейших страниц этой традиции – первое пятилетие после окончания Хивинской революции 1920-1924 гг., когда закладывались основы новых идеологических подходов.

Социалистическая революция 1917 г. в России вызвала изменения в Средней Азии, находившейся под российским протекторатом. В 1920 г. был свергнут Хивинский хан, провозглашена Хорезмская Народная Советская Республика (ХНСР), учреждено Министерство просвещения и культуры, которое возглавил представитель мусульманского культа – мулла Бекжон Рахмонов, и началась реформа образования. Кроме введения учебных заведений «нового типа» – советских, – шла медленная трансформация конфессиональных школ, которые составляли большинство в системе образования региона: в них наряду с религиозной подготовкой постепенно вводились отдельные дисциплины светского характера, в том числе история (Мамадаминова, 2016, с. 165).

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20250085

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Однако изменения в Хорезме не устраивали социал-демократические силы, и революция продолжилась. Осенью 1923 г. была принята Конституция Хорезмской Социалистической Советской Республики (ХССР), а в 1924 г. республика самоликвидировалась и произошло национально-государственное размежевание (перераспределение территорий) с учреждением Узбекской ССР и Хорезмской области в ее составе. Таким образом, в 1924 г. завершилась Хивинская/Хорезмская революция (Погорельский, 1984). С принятием в 1924 г. Конституции Узбекской ССР очередная реформа образования получила законодательную основу. Как следствие, начались изменения в содержании исторических знаний и понимании роли истории для идеологического воспитания общества. Дисциплина «История», введенная в школах Хорезма при предыдущем правительстве, была отменена, и десятилетие после революции стало подготовительным для ее возврата в учебные планы, но уже на новых идеологических основах. В этом процессе первые пять лет стали переломными.

Задачи исследования следующие:

– выявить региональные особенности внедрения историко-идеологического компонента в систему образования Хорезмской области в первое пятилетие после Хивинской революции;

– проследить изменения в системе образования Хорезмской области в 1924-1929 гг.

Для анализа источников по теме исследования использованы сравнительно-исторический и хронологический методы исследования. Первый метод позволил провести сравнение по двум основаниям: 1) отличия в образовательной политике первого демократического правительства в Хорезме (1920 г. – осень 1924 г.) и второго, установившегося с осени 1924 г.; 2) сравнение образовательной политики в Хорезмской области в контексте ее соответствия реформам, проводимым на всей территории Советского Союза. Хронологический метод помог выявить этапы в реализации поставленных задач на территории Хорезма. Рассматриваемый период (1924-1929 гг.) – это начальный и самый сложный этап реформы. Успешные преобразования в дальнейшем были возможны лишь при условии полной реализации изначально поставленных задач, поэтому анализ реформы в первое пятилетие рассматривается именно с точки зрения эффективности внедрения в систему образования Хорезмской области историко-идеологического компонента.

Развитие исторического образования в послереволюционном Хорезме пока не стало объектом научного интереса других ученых и представлено лишь публикациями автора статьи (Кенджаев, 2025; Kenjayev, 2025). В них раскрыты такие вопросы, как трансформация религиозного образования в светское, а также подготовка учебников обществоведения в первые годы советской власти и их распространение на территории Хорезма. Остальная историография темы включает две группы публикаций: в целом по истории просвещения в Хорезмской области и об историческом образовании в СССР.

В рамках первой группы нужно отметить ряд публикаций и диссертаций советского периода, отразивших коммунистический подход в оценках реформы, когда в систему образования Узбекистана был включен идеологический компонент (Акрамов, 1980; Билолов, 1966; Погорельский, 1984; Пулатов, 1984; Уразбаева, 1984). Ряд диссертаций, защищенных в Узбекистане в период Независимости (после 1991 г.), выполнен уже в рамках иных политических подходов. Наиболее близки к теме исследования диссертации об историческом факультете Ташкентского государственного университета (Халикова, 1995) и о роли Главного Вакуфного управления в системе просвещения Узбекистана в 1920-е гг. (Эргашев, 2023). Исследователи основываются на архивных материалах, часть из которых не могла получить объективные оценки до 1991 г.: например, вклад представителей религиозного культа в становление системы образования советского периода.

Научная дискуссия о введении в вузах и школах СССР дисциплины «История» активизировалась в начале 1930-х гг., процесс реализации исторического образования вошел в сферу интереса исследователей, и в результате по этой теме появились диссертации и публикации. Между тем только в постперестроечный период, когда появилась возможность дать объективные оценки, тема исторического образования стала популярна. Авторы рассмотрели разные аспекты: создание учебников, дискуссии об их содержании, особенности подготовки кадров историков и др. (Емельянов, 2019; Ивлева, 2023; Крих, 2019; Ушмаева, 2011).

В целом анализ публикаций показывает, что тема историко-идеологического компонента в системе образования Хорезмской области пока не стала предметом научного интереса других ученых.

Материалы исследования разделены на три группы.

1. Неопубликованные документы Государственного архива Хорезмской области (ГАХО) (г. Ургенч), ф. 194 «Хорезмский областной отдел народного образования». Среди документов – отчеты, циркуляры, справки, учебные программы и в целом делопроизводственная переписка разного характера. Особенность этой документации заключается в языковой пестроте: отсутствовал единый язык переписки и даже оформления приказов, часть текстов дублировалась на других языках. Меньшая часть документов 1920-х гг. написана на русском, но большинство отразило целый языковой спектр: арабский, староузбекский в арабской графике, узбекский на кириллице, каракалпакский в арабской графике и на латинице, – все это показывает наличие дополнительных сложностей при реализации задач государственного значения, связанных с введением всеобщего образования и идеологического воспитания.

2. Опубликованные материалы, связанные с историей Хорезма и имеющие разную форму: это рекомендации, отчеты, поэтическое произведение, газеты и фотоматериалы:

- «В песках все – басмачи». Вооруженная борьба в Средней Азии в 20-30-х годах прошлого века // Информационный портал “Islam-today”. 2014. 23 апреля. https://m.islam-today.ru/istoria/v-peskah-vse-basmaci-vooruzennaa-borba-v-srednej-azii-v-20-30-h-godah-proslogo-veka/.

- Икрамов А. За раскрепощение женщин // Правда Востока. 1927. 8 марта.
- Кунсткамера. МАЭ И 897-34. Интерьер «Красной чайханы» в колхозе им. Ворошилова Ойхаятского сельсовета Наманганской области. https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/95294.
- Материалы по районированию Средней Азии. Ташкент: Издание Комиссии по районированию Средней Азии, 1926. Кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 2. Хорезм.
- Организация и проведение эпидемиологического надзора в природных очагах чумы на территории государств – участников Содружества Независимых Государств. Методические рекомендации, 2019.
- «Письмо счастливого узбекского народа вождю народов Великому Иосифу Виссарионовичу Сталину»: к открытию XVIII съезда ВКП(б). Ташкент: Узгиз, 1939.
- История России в фотографиях. Фотография «Красной чайханы» (Ташкент). https://russiainphoto.ru/photos/332809/.

3. Полевые материалы авторов (ПМА). Информатором выступила Шахло Бабажановна Сабирова, 1977 г. р., г. Ургенч, с информацией об истории ее деда, жившего в рассматриваемый период.

Практическая значимость исследования заключается в использовании обнаруженных архивных материалов для расширения учебных курсов по истории Хорезма и Узбекистана и выстраивания концепции исторического образования Хорезмской области с учетом предшествующего опыта.

Обсуждение и результаты

Реформа образования в Хорезмской области, начавшаяся в 1924 г., фактически стала продолжением изменений, проходивших в 1920-1923 гг., но в более кардинальном варианте. Дисциплина «История» в учебных планах была отменена, ей на смену пришли «Обществоведение» (с включением исторических сюжетов) и «Конституция». Изучение Советской Конституции, как правило, происходило в рамках обществоведения, но в рабочей документации того периода предмет «Конституция» стоял отдельно: содержание новых дисциплин и учебные планы только формировались. Тот факт, что государство временно отказалось от истории как отдельного предмета, свидетельствует о важности этой научной отрасли для воспитания нового поколения: продолжение изучения истории по дореволюционным учебникам, т. е. в рамках монархической идеологии Российской империи, препятствовало формированию в детях коммунистического мировоззрения, и власть это понимала.

Между тем уже в 1926 г. встал вопрос о возвращении истории в учебные планы. В сентябре 1926 г. в Хиву поступил Протокол заседания Президиума Наркомпросса, состоявшегося в Москве, где «История» была определена как один из главных предметов (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 6). Таким образом, потребность в историческом образовании оставалась. Например, в 1920-е гг. в Московском государственном университете действовал историко-этнологический факультет, где учился С. П. Толстов, в дальнейшем описавший (открывший) древнюю Хорезмскую цивилизацию (Жданко, 1988, с. 148).

Формировавшаяся в 1920-е гг. система образования в Хорезмской области была еще не готова к введению истории в учебные программы, да и распоряжения «сверху» об этом не было. Вначале нужно было обосновать советскую идеологическую концепцию и создать учебники, соответствующие политическим изменениям. В отличие от математики, географии, родного языка и других дисциплин, учебники по истории представляли собой определенную проблему, т. к. в них необходимо было изложить новый взгляд на исторические события. В итоге сюжеты по истории были включены в обществоведение. Это решало три задачи: закрывался пробел с учебниками непосредственно по истории (включая историю Узбекистана), выигрывалось время для их написания в рамках новой исторической концепции, а также давалась иллюстрация курса обществоведения. С 1924 г. в проекте новой системы образования уже значилось изучение Советской Конституции, однако Хорезмский областной комитет народного образования отмечал, что ее преподавание пока не представляется возможным, т. к. вначале нужно подготовить преподавателей, в частности, провести летние краткосрочные курсы (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 101 об.).

Очевидно, что об идеологическом воспитании не забывали с самого начала. В документах Хорезмского облоно за 1924-1925 гг. были даны ориентиры, которые содержали термины «политпросвещение» и «коммунистическая молодежь»: «Перед Облоно стоят громадные задачи, разрешение которых связано с поставкой работы по просвещению, это зависит от подготовки квалифицированных работников из местного населения, в области просветительных работ заключается в развитии школьного воспитания и политпросвещения среди дехканских масс, организация средних учебных заведений Коммунистической молодежи» (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 100).

Уже с 1924 г. началось формирование нового идеологического подхода к истории Хивинского ханства, что иллюстрирует отчет Хорезмского обкома Компартии Узбекистана: «Хорезмское население благодаря ханскому деспотизму и гнету… не было самообразованным и находилось все время в темноте» (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 101 об.). Позднее, в 1939 г., этот идеологический ориентир был отражен в литературном произведении, где есть выражение «Хивинский хан-бандит» («Письмо счастливого узбекского народа…», 1939, с. 10). Для закрепления в обществе подобного мировоззрения требовалось время, и первое пятилетие после Хивинской (Хорезмской) революции стало переходным периодом.

Хорезм был регионом с древними традициями изучения истории и передачи этих знаний молодым поколениям, что проявилось в деятельности Академии Мамъуна, в творчестве Аль-Хорезми, Аль-Бируни и других известных ученых. Между тем условия, необходимые для введения исторического образования по советским

стандартам, в Хорезмской области оказались особыми. Прежде всего, до революции исторические знания давались в рамках элитарных учебных заведений, которые были представлены многочисленными медресе, а советская власть взяла курс на всеобщее обучение с гуманитарным блоком для школ всех уровней. Образование из религиозного не просто превращалось в светское, а должно было осуществляться в рамках определенной идеологической концепции, что создавало дополнительные сложности. Таким образом, в первое пятилетие нужно было преодолеть множество факторов, которые препятствовали выполнению важнейшей государственной задачи.

Традиционность, инерционность, а также глубокая религиозность хорезмского общества тормозили реформу. Когда принималась Конституция УзССР и шли социальные преобразования, до дальних кишлаков и юрт Хорезма революция еще не дошла. Наиболее сложной оказалась ситуация с образованием девочек, и одна из задач новой власти состояла в том, чтобы женщины отказались от паранджи. Эти акции проводились в рамках политики «Худжум» («Наступление»). 8 марта 1927 г. на первой полосе газеты «Правда Востока» была опубликована обширная статья Секретаря ЦК КП(б)Уз тов. Икрамова (1927, с. 1) о необходимости беспощадно избавляться от этого пережитка. Местные газеты в тот период были наполнены подобными материалами, включая мнения врачей о вреде паранджи для здоровья. Дедушка автора статьи Кенджа Саитниязов 1920 г. р., коммунист, участник Великой Отечественной войны, учитель (Иллюстрация 1), рассказывал, что в 1920-1940-е гг. первыми со своих жен снимали паранджу коммунисты, т. к. это требовалось в рамках их партийного поведения. Акт снятия паранджи был публичным, перед обществом, после чего дома ее надевали опять. Женщины-учителя не могли преподавать в парандже, однако советская власть смогла победить этот атрибут только в 1940-е гг., когда выросло новое поколение и многое изменила война. Это лишь один момент, характеризующий условия, в которых вводилось всеобщее образование и его идеологизация.

Иллюстрация 1. *Красноармейская книжка Кенджи Саитниязова за 1945 г. с указанием образования (педтехникум) и специальности до призыва на войну (педагог).*
Из личного архива автора статьи Бунёда Кенджаева (Хорезм)

Хорезмское облоно видело другие сложности в переходе на новую систему образования. Ситуация на начальной стадии реформирования (1924-1925 гг.) отражена в отчете, где указаны три главные проблемы, которые возникли при предыдущем правительстве Хорезма и препятствовали реализации поставленных задач. Общий вывод был таков: «Все эти причины ставят в крайне негативное положение образование, и при наличии таких причин приходится работать в ненормальных условиях» (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 2 об.). Решать проблемы пришлось новой власти.

Во-первых, как указало облоно, в Хорезме отсутствовали железные дороги и водные транспортные пути, что делало сообщение между отдельными территориями очень слабым (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 2 об.). На примере Каракалпакстана Комиссией по районированию Средней Азии в 1926 г. было подтверждено, что связь между районами возможна только по грунтовым дорогам и мостам, состояние которых зависит от времени года и разливов Амударьи, а она имела тенденцию к изменению русла и во время весенних паводков затапливала часть территорий. В Кунградском округе, например, в зимние и весенние месяцы (а периодически и летом) движение по дорогам прекращалось вообще, т. к. «лошадь вязнет по колено в грязи» (Материалы по районированию…, 1926, с. 60). Никаких других средств связи не было: в 1925-1926 г. почтовые и телеграфные станции там полностью отсутствовали. В этих условиях выполнять задачи государственной важности было невозможно.

Во-вторых, серьезным препятствием в создании новой системы образования Хорезмское облоно считало активность басмачества, «что оттягивает финансы и экономически негативно отражается на деле просвещения» (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 2 об.). Традиционно не хватало финансирования: «Средства на содержание школ отпускались крайне ненормально: в истекшем году из государственного бюджета 19%, а в настоящем бюджетном году – 30%» (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 100). Речь шла о финансировании образования при прежнем правительстве Хорезма, и одной из задач новой власти стало решение вопросов материального обеспечения школ. Кроме этого, уже шла активная борьба с басмачами, в 1924-1926 гг. их крупные организации были подорваны и даже частично уничтожены («В песках все – басмачи»..., 2014), – все это создавало более благоприятные финансовые и психологические условия для реализации реформы.

В-третьих, в отчетах за 1924 г. указывалось, что «подготовка учителей – ниже среднего» (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 100). Как свидетельствовало Хорезмское облоно, отсутствовали местные квалифицированные работники просвещения (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 2 об.). Это утверждение вызывает сомнение, т. к. после свержения в 1920 г. Хивинского хана начались демократические изменения и в сентябре 1921 г. в Хиве был открыт Народный университет со штатом преподавателей; также известно, что в 1921 г. произошло изменение в учебных планах множества старых школ (исследователи называют цифру 1500) и многочисленных медресе, а штаты обновленных учебных заведений пополнялись учителями из «старых» школ (Мамадаминова, 2016, с. 165). Однако 1920-е гг. действительно стали очень сложными для подбора и сохранения педагогических кадров, особенно по дисциплинам идеологической направленности.

По данным Хорезмского облоно, «у приезжих разные проблемы, и состояние здоровья оказывается таковым, что они бросают работу и возвращаются на родину» (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 2 об.). Один из факторов, который мог повлиять на отток приехавших педагогов, заключался не только в непривычном для них жарком климате пустыни и не до конца сформированной государственной системе здравоохранения, но и в том, что в 1924 г. в Хорезме была зафиксирована вспышка чумы – Кызылкумский пустынный автономный очаг с площадью в 385 000 кв. км, частично охвативший также территорию современного Казахстана и Туркменистана (Организация и проведение эпидемиологического надзора..., 2019, с. 25). Очаг находился в Ак-Камыше в Каракалпакстане, причем точное число умерших установить не удалось ввиду кочевого образа жизни населения. По выводам одной из Государственных комиссий, в тот период уровень смертности в Хорезме был таков, что население должно было неуклонно сокращаться (Материалы по районированию..., 1926, с. 75). Кроме этого, в первой половине 1920-х гг. из Средней Азии шел миграционный поток образованной элиты, которая направлялась в Турцию и другие мусульманские страны (Пылев, 2022). Эти и иные факторы влияли на сокращение преподавательских кадров, но основная проблема видится в идеологических подходах советской власти. Хорезмские учителя дореволюционного периода обладали другими знаниями, а не тем комплексом представлений, который был необходим для реализации задач советского строительства.

Хорезм исторически был одним из мировых центров мусульманской цивилизации, и система образования отражала эту особенность. Традиционно главный преподавательский потенциал там складывался из духовных лиц, окончивших медресе и владевших не только знанием Корана и других мусульманских источников, но и литературой, поэзией, историей, различными языками и т. д., однако как преподаватели они не соответствовали идеологическим установкам новой власти. Даже в 1926 г. численность духовных лиц оставалась достаточной, чтобы обеспечить школы квалифицированными кадрами. Их, невостребованных в образовании, было больше, чем учителей в трудовых школах. Например, в г. Хиве духовных лиц было 108 чел., а учителей – 85; в г. Новый Ургенч духовных лиц – 30 чел., а весь «культурно-просветительный персонал», включая учителей, составлял всего 12 чел.; в г. Ханки духовных лиц – 27 чел., а «культурно-просветительный персонал» – 2 чел.; в небольшом городке Хазарасп духовных лиц было 11 чел., а учителей не было вообще (Материалы по районированию..., 1926, с. 82, 85, 87, 88). Нежелание видеть среди учителей советских школ представителей духовенства иллюстрирует следующий пример. В 1922 г. в Хорезм из Самары прибыл Кашаф Шарипович Потиев, который происходил из духовного сословия (т. е. его отец был муллой). Кашаф родился в 1884 г., имел преподавательский стаж 20 лет, прожил (и проработал) в Хорезме 5 лет, но 15 ноября 1927 г. был уволен. Все остальные приезжие преподаватели, имея рабочее или крестьянское происхождение, в 1927 г. продолжали работать (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 72, л. 15).

Образованные люди были также в среде басмачества, но для них путь в советскую школу тоже был закрыт. Например, внучка одного из бывших хорезмских басмачей рассказывала, что ее дедушка Сабир Аллаберганов 1899 г. р. учился в трех медресе, знал арабский, древнеперсидский (фарси), русский и узбекский языки и до конца своей жизни (умер в 95 лет) разбирался в политике, ежедневно читал советские газеты, рассказывал своим детям и внукам разные познавательные истории, вслух читал им книги и объяснял сложные моменты, т. е. фактически занимался с ними. Он пользовался огромным уважением в своем кишлаке, и жители хотели его видеть во главе махалля (аналог сельсовета), но этому помешало басмаческое прошлое (ПМА, информатор Шахло Бабажановна Сабирова). Соответственно, он не мог стать учителем в школе, хотя знания и явные педагогические наклонности полностью соответствовали понятию «учитель».

Для укрепления системы образования в Хорезмскую область направлялись кадры из России, ставшие важнейшим звеном в преподавании Конституции и обществоведения. Этническое и социальное происхождение преподавателей, их партийная принадлежность и уровень образования очевидны по следующим данным (Таблица 1).

Таблица 1. *Прибывший в Хорезм кадровый состав (1927-1928 гг.) (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 72, л. 15)*

Имя	Должность		Откуда прибыл, командирован	Происхождение		Партийность		Среднее образование	Стаж (в годах)	Член профсоюза
	преподаватель	дополнительная должность		из рабочих	из крестьян	комсомолец (с какого года)	коммунист (с какого года)			
Гумерханов Давлат	нет	зав. клубом	Казань	да		1923		нет	4	да
Баймуратов Касинжан	да	зав. учебной частью	Самара		да		1924	есть	6	да
Потиев Кашаф Шарипович	да		Самара	из духовного сословия		беспартийный		есть	20	да
Кильмухамедов Камал	да		Оренбург		да	беспартийный		есть	12	да
Нурмухамедов Ишгаб	да	зав. с/х техникумом	нет данных		да	1919	1925 (кандидат)	есть	1	да
Ахмедов Ибрагим	да		Оренбург		да	беспартийный		есть	10	да
Идельбаев Хурматулла	да		Оренбург		да	беспартийный		есть	10	да
Асгары Карим	да		Ташкент		да	беспартийный		есть	9	да
Самигуллин Сатар	нет	зав. учебной частью	нет данных		да		1919	есть	3	да

Как следует из Таблицы 1, все командированные из России родились в мусульманских семьях и, следовательно, были знакомы с исламом, что важно в условиях глубоко религиозного Хорезма. Все они этнически были тюрками и, соответственно, понимали узбекский и диалекты этой языковой группы. У всех прибывших было среднее образование, что считалось достаточным для преподавания в школах того времени. Все приезжие уже не первый год состояли в профсоюзе, т. е. владели понятиями «прав и обязанностией трудящихся» и другими важными категориями, входившими в курс обществоведения. Часть преподавателей состояла во Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП(б)) и Всесоюзном ленинском коммунистическом союзе молодежи (ВЛКСМ), а значит, хорошо знала историю компартии и комсомола и революции в целом, а по возрасту некоторые и сами могли участвовать в революционных событиях. Партийная принадлежность обязывала знать Советскую Конституцию.

Таким образом, в Хорезмскую область были направлены крайне ценные в идеологическом смысле педагогические кадры, которые и составили основной костяк учителей обществоведения и Конституции. Социальный состав (почти все – из крестьян) сближал их с местным дехканством и транслировал ученикам классовую непримиримость к «дворцам». Учитывая все эти факторы, можно констатировать, что подбор преподавательских кадров, поступивших в Хорезм из России, был максимально продуманным, хорошо обоснованным, а сами прибывшие вполне осознавали поставленные перед ними задачи.

В 1929 г. информация о преподавателях отразила такую же тенденцию: из 5 штатных учителей четверо происходили из крестьян (как правило, остальные были из рабочих); один – кандидат в члены партии; у всех – среднее образование и стаж работы (есть даже 12 лет); по этнической принадлежности один был узбеком, а четверо – татарами, «русских и других нет»; возраст учителей составлял от 25 до 45 лет и т. д. Этот состав преподавателей касался узбекских школ 1 ступени. Кроме пяти человек в штате, еще семь учителей преподавали в школах по совместительству (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 72, л. 8-9).

Обратим внимание на численно небольшой состав проанализированных списков: эти преподаватели были не в состоянии закрыть потребность в учительских кадрах по всей Хорезмской области. Для выполнения задачи по ликвидации неграмотности, чтобы научить кого-либо писать и читать, командирование учителей из России было бы нерациональным шагом. Значит, приезжие имели другие цели, связанные с идеологическим воспитанием, а реализация этой задачи происходила в основном через Конституцию и обществоведение. Кроме того, архивное дело со списками преподавателей называется «Программы разных курсов», и в нем дано описание программ повышения квалификации для учителей. В деле нет прямого указания, что приезжие будут заниматься подготовкой учителей обществоведения и Советской Конституции, но логика наводит именно на эту мысль.

Новые кадры нужны были для работы и вне учебных заведений. Например, прибывший в 1927 г. из Казани Давлат Гумерханов был назначен заведующим клубом в Хиве, а деятельность таких учреждений тоже связана с выполнением идеологических задач. Давлат Гумерханов занял эту должность в возрасте 19-20 лет, ранее в России он был рабочим-слесарем, затем получил профессию библиотекаря, отработал один год, после чего отправился в Хиву. На момент сбора информации о прибывших кадрах он жил в Хорезме уже два месяца с пометкой «прибыл по собственному желанию» с зарплатой 80 рублей (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 72, л. 15). Его кандидатура подходила для идеологической работы: он говорил на русском, татарском и узбекском языках, соответствовал требуемому социальному происхождению, образованию и молодому возрасту, но главное – имел профессию «библиотекарь», т. е. мог по совместительству выполнять и эту функцию, которая тоже носила просветительско-идеологический характер.

Вопрос о клубах и библиотеках в Хорезмской области встал сразу после окончания Хивинской революции и принятия Конституции 1924 г.: «Существующими в настоящее время клубами и библиотеко-читальнями обслуживались только 10 процентов трудового населения, что само собой, разумеется, далеко не отвечает потребностям населения, поэтому предполагается открыть в крайнем случае в пяти пунктах народные клубы и библиотеки-читальни» (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 101). В 1927 г. в Ургенче уже действовал 1 центральный клуб и 2 женских клуба, культурные учреждения функционировали в Хасараспе и других местах (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 27, л. 2-3).

Использование фактов из истории (в нужном государству варианте) требовалось для политпросвещения не только через клубы и библиотеки-читальни, но также через «Красные чайханы», комсомольские и пионерские организации и специализированные учебные заведения идеологической направленности (Пионерские школы и Совпартшколы). Политическое образование не могло осуществляться без изучения истории революции, компартии, биографий политических лидеров и в целом без сравнительной характеристики «прежнего» (ханского) и «современного» (социалистического) этапов истории Хорезма.

Иллюстрация 2. *Слева: «Красная чайхана» в колхозе им. Ворошилова Ойхаятского сельсовета Наманганской области (Кунсткамера, МАЭ И 897-34); справа: революционные лозунги и «Красная чайхана» в Ташкенте (История России в фотографиях, автор Дмитрий Пожарищенский, дата съемки: 1926-1935)*

На сохранившихся фотографиях «Красной чайханы» (Иллюстрация 2, слева) можно разглядеть портрет А. С. Пушкина (в центре), правее – две одинаковые фотографии стоящих рядом Ленина и Сталина, а в углу справа – книги: это политическая библиотека, которая обычно включала историю революции и ее основных деятелей, а также труды основоположников марксизма-ленинизма. В 1927 г. в населенном пункте Ханки в Хорезмской области одна «Красная чайхана» приходилась на 389 хозяйств с населением 2180 чел, а в Ургенче (в районе Янги Базар) – на 294 хозяйства с населением 1544 чел. (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 27, л. 2). Кроме этих районов, «Красные чайханы» фигурируют в Зинахасе, Хазараспе, Янгиарыке, Мангитском, Хивинском, Газаватском районах и др. (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 27, л. 2 об., 3).

На рубеже 1924-1925 гг. в Хорезмской области уже действовала Пионерская школа (650 чел.) и Совпартшкола (150 чел.). Обратим внимание, что численность учащихся в Пионерской школе была в 6,5 раза выше, чем в единственном учреждении, которое готовило учителей, – в педагогическом техникуме (100 чел.). В Совпартшколе, где воспитывались партийные кадры, учащихся было в 1,5 раза больше (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 100). Этот факт свидетельствует, что в 1920-е гг. политико-идеологическому образованию в Хорезмской области уделялось не просто большое, а ведущее значение.

19 апреля 1926 г. под № 8331 из Москвы всем Областным комитетам партии страны (включая Узбекистан и Хорезмскую область) поступила директива о подведении итогов за первое полугодие учебного года с акцентом на развитие пионерского движения (первый отчет нужно было закончить до 25 мая 1926 г.). Партийные органы переадресовали документ Ленинскому коммунистическому союзу молодежи Узбекистана (ЛКСМУз) и сделали установку: больше времени и внимания уделять пионерам, их коммунистическому воспитанию (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 7 об.).

Для выполнения задачи подключили делегаток – комсомолок Узбекистана, женских активисток, среди которых нередко фигурировали русские фамилии, например: Кубалова, Учаева, Отрощенко (1928 г.). К фамилиям, распространенным в Хорезме, можно отнести только Кубалову, но она могла быть Купалова: в условиях многочисленности шрифтов и языков, применявшихся в тот период в делопроизводстве Хорезма, замена

одной буквы (звука) была нормой, в зависимости от того, кто записывал фамилию – русский или местный работник. В протоколах эти делегатки поставили не подпись, а неустойчивым почерком написали свои фамилии, что свидетельствует об их малограмотности и определенном социальном происхождении. Инспектируя Пионерскую школу-интернат, они резюмировали: «…есть три взрослых (1 – 21 год и 2 – по 18 лет), что недопустимо. Нет воспитателя… дети бродят по городу и предоставлены сами себе. Не видно вовсе комсомольского руководства у пионеров» (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 55, л. 54). Для делегаток существовали инструкции: женщины посещали детские дома, работали со школьниками и их родителями. Делегатки прикреплялись к учреждениям на 6 месяцев и были обязаны всячески помогать, но главное – проводить воспитательные мероприятия на революционные темы, а также в курируемых ими учреждениях участвовать «в революционных праздниках…, в работе комсомола и пионеров» (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 7 об., 9).

Реформа образования в Хорезме шла форсированными темпами. С 1924 г. основной задачей Хорезмского областного отдела народного образования была ликвидация неграмотности и создание трудовых школ, включая учебные заведения непосредственно для дехканства (крестьянства). Переходный характер системы образования отражен и в партийных документах того периода: «Вообще школы в Хорезмской области находятся в периоде перехода к новым трудовым принципам, организованы различные комиссии и ведутся студийно-кружковые занятия» (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 100). В тот период еще не был полностью решен вопрос с преподавательскими кадрами, с организацией связи между районами, с басмачами, финансами и другими проблемами, а уже нужно было исполнять поступавшие из Москвы директивы.

В 1926 г. в СССР начался очередной этап реформы образования, затронувший и Среднюю Азию. Однако если в России создание трудовых школ началось с Постановления ВЦИК от 16 октября 1918 г., то в Хорезме – только с 1924 г. В России к 1926 г. техникумы уже переходили на 3-летний срок обучения (Ситаров, 2019, с. 208), а в Хорезме среднее специальное образование только формировалось. Если в России уже в 1917 г. началась конфискация у церкви всех учебных заведений, а в 1918 г. отдельным Декретом было провозглашено, что школа отделяется от религиозного культа (Ильченко, Печерин, 2015, с. 259), то в Хорезмской области даже в 1924 г. благополучно действовали конфессиональные школы, включая медресе. Если в 1924 г. Хорезмское облоно свидетельствовало, что «школьной сети нет», то через 2 года пришлось рапортовать о введении всеобщей начальной школы, в том числе в кишлаках и в среде кочевников. 11 февраля 1926 г. в Хорезм поступило Постановление ЦИК УзССР о введении в Узбекистане всеобщего начального образования и о построении школьной сети (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 16). В соответствии с этой установкой было принято решение о расширении преподавания Советской Конституции в конфессиональных школах, включая медресе (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 139).

Кроме Педагогического техникума, Пионерской школы и Совпартшколы, на рубеже 1924-1925 гг. список «культурно-массовых» образовательных учреждений включал: 13 трудовых школ 1-й ступени (1742 чел.), 1 школу 2-й ступени (80 чел.); 4 школы-интерната и 1 музыкальную школу (50 чел.). Учителей на все учебные заведения насчитывалось всего 50 человек (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 100). По данным Хорезмского областного комитета народного образования, на рубеже 1924-1925 гг. действующие школы обеспечивали только 10% детей школьного возраста, «стремящихся к свету и знанию», но этот процент был завышен. Также было признано необходимым открыть в текущем учебном сезоне еще 42 трудовые школы (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 101). Стимулом к их открытию послужила «школьная перепись» 1926-1927 гг. Из Ташкента в Хиву поступило распоряжение (циркуляр) в соответствии с Постановлением ЦИК Союза ССР, что в 1927 г. в Узбекистане будет проведена перепись всех учебных заведений (кроме вузов и курсов переподготовки), и нужно приложить максимум усилий для выполнения этой задачи (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 27, л. 44-52). В результате принятых мер к 1928 г. ситуация изменилась (Таблица 2).

Таблица 2. *Количество учебных заведений в Хорезмской области для детей и молодежи по данным Областного отдела народного образования (1928 г.) (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 72, л. 18)*

Виды школ	Количество школ		Количество классов/групп		Число учителей		Число учащихся	
	в городах	в кишлаках	в городах	в кишлаках	в городах	в кишлаках	в городах	в кишлаках
Школы 1-й ступени	25	47	55	77	55	77	1216	1458
Школы 2-й ступени	3	0	7	0	11	0	155	0
Школы при интернатах	6	0	15	0	21	0	354	0
Школы дехканской молодежи	0	1	0	1	0	3	0	42
Всего	**32**	**48**	**77**	**78**	**87**	**80**	**1725**	**1500**

Рост количества учебных заведений продолжился и дальше. В этом же архивном деле за 1928-1929 гг. упоминается уже 8 школ для дехканской молодежи (ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 72, л. 149). Таким образом, число и учеников, и учителей, на которых распространялось идеологическое влияние, на территории Хорезмской области неуклонно росло, хотя на 1928 г. осталось незначительным, если рассчитывать в абсолютных цифрах. В 1924 г. примерная численность населения в Хорезме (принимая во внимание сложность учета кочевников) составляла

около 900 тыс. человек, а после передачи части Хорезма в состав Туркменской СССР – сократилась на 100 тыс. (Материалы по районированию..., 1926, с. 64, 74). Поэтому 3250 учеников (Таблица 2) составило примерно 0,4% от всего населения, включая кочующие семьи. Эти цифры не отражали желаемого результата, но Хорезм уже находился на переломе.

Заключение

Региональные особенности внедрения историко-идеологического компонента в систему образования Хорезмской области, проявившиеся в первое пятилетие после окончания Хивинской революции, стали результатом политики Советского государства в условиях отдаленного среднеазиатского региона. Получившийся вариант отразил сочетание местной хорезмской традиции и советского законодательства.

Кочевой характер части населения, в основном каракалпаков, находившихся в движении по всему Хорезмскому оазису, в дельте и низовьях Амударьи; сложная транспортная доступность районов не только из-за разливов реки, но и по причине наличия двух пустынь – Каракумов и Кызылкума; традиционно закрытый характер кишлаков, где любое нововведение воспринималось как покушение на веками сложившиеся устои; отряды басмачей, действовавшие до 1930-х гг.; сильный, многочисленный и влиятельный состав мусульманского духовенства, сопротивлявшийся социалистическим преобразованиям, – это далеко не полный перечень факторов, серьезно осложнявших попытку создания даже новой школьной сети, не говоря уже о внедрении в общественное сознание каких-либо «ленинских» идеологических представлений. При таком комплексе неблагоприятных условий выполнение государственной задачи представляется в принципе невозможным. Между тем задача была выполнена.

Особенности формирования педагогического штата в Хорезмской области показали, что советское правительство действовало продуманно, осторожно, настойчиво и поэтапно, не отступая от намеченной цели. Осторожность и продуманность стали причиной временного отказа от преподавания истории в школах и вузах в качестве отдельной дисциплины: слишком велика ее роль для идеологического воспитания общества, и ошибок допускать было нельзя.

Успешная реализация поставленных задач в таком традиционном обществе, как Хорезм, была возможна только при условии, что основную часть населения устраивало далеко не все, что составляло сложившуюся за века жизнь. Победа революции была невозможна без готовности большинства хотя бы к внутреннему протесту. Получалось, что продуманные действия со стороны социал-демократических сил решали сложившиеся в Хорезме противоречия и удовлетворяли потребности большинства, что обеспечило реализацию реформ и закрепление достигнутых результатов на следующих этапах истории региона.

Перспективы исследования связаны с организацией политико-идеологического образования в Хорезмской области Узбекистана в годы Великой Отечественной войны: успешный опыт может быть применен для патриотического воспитания молодежи в современных условиях.

Источники | References

1. Акрамов Ш. Из опыта преподавания курса научного коммунизма студентам ТашМИ // Общественные науки в Узбекистане. 1980. № 2.
2. Билолов Г. М. Из истории культуры и просвещения в ХНСР (1920-1924 г.). Ташкент: Фан, 1966.
3. Емельянов Е. П. Проблема периодизации всеобщей истории в советском обществоведении 1920-х годов // Научный диалог. 2019. № 10.
4. Жданко Т. А. Сергей Павлович Толстов и этнография // Советская этнография. 1988. № 2.
5. Ивлева Я. А. Развитие высшего исторического образования в России до начала XX века // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-2.
6. Ильченко В. Н., Печерин А. В. Духовное образование в Советской России: историко-правовой аспект // Педагогическое образование в России. 2015. № 11.
7. Кенджаев Б. Б. Становление системы светского образования в Хорезме и его историческая составляющая в 1920-е гг. // Актуальные вопросы науки: сборник статей VII Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 15 января 2025 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2025.
8. Крих С. Б. История с литературой: забытый сюжет создания первого советского учебника по истории древности для школ // Ученые записки Казанского университета. 2019. Т. 161. Кн. 2-3.
9. Мамадаминова Б. Культурные изменения в Хорезмской Народной Советской Республике // Вестник Омского университета. 2016. № 3 (11).
10. Погорельский И. В. История Хивинской революции и Хорезмской Народной Советской Республики 1917-1924 гг. Л.: Ленинградский государственный университет, 1984.
11. Пулатов С. С. Высшее и среднее специальное образование Узбекистана за 60 лет (1924-1984). Ташкент: ЦК КП Узбекистана, 1984.
12. Пылев А. И. Туркестанская политическая эмиграция: ее влияние на внешнюю политику Турции и советско-турецкие отношения 20-х годов XX века // Новая и новейшая история. 2022. № 2.
13. Ситаров В. А. История образования в России: досоветский и советский периоды // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1.

14. Уразбаева Р. Д. Возникновение и развитие высшего и среднего специального образования в советском Каракалпакистане (1924-1980 гг.): дисс. … к. ист. н. Ташкент, 1984.
15. Ушмаева К. А. Основные этапы и особенности развития исторического образования в вузах России: 20-90-е годы XX века: дисс. … д. ист. н. Пятигорск, 2011.
16. Халикова Р. Э. Развитие высшего исторического образования и науки в Узбекистане (на примере исторического факультета ТашГУ 1935-1994 годы): автореф. дисс. … к. ист. н. Ташкент, 1995.
17. Эргашев С. М. Роль Главного Вакуфного управления в системе просвещения Узбекистана (20-е годы XX века): автореф. дисс. … д. филос. (PhD) (ист.). Самарканд, 2023.
18. Kenjayev B. B. o‘g‘li. 1920-yillarda Horazmda tarix fanlaridan ibopat ijtimoiy fanlar darsliklarining yaratilishi // Tamaddun Nuri. 2025. № 1.

Информация об авторах | Author information

RU

Кенджаев Бунёд Бахтиёр угли[1]
Науменко Ольга Николаевна[2], д. ист. н., проф.
[1, 2] Ургенчский инновационный университет, Республика Узбекистан

EN

Bunyod Bakhtiyor ugli Kenjaev[1]
Olga Nikolaevna Naumenko[2], Dr
[1, 2] Urganch Innovation University, The Republic of Uzbekistan

[1] *bun0401kbb@gmail.com,* [2] *oolgann@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.04.2025; опубликовано online (published online): 14.05.2025.

Ключевые слова (keywords): формирование историко-идеологического компонента; система образования Хорезмской области; Узбекистан в 1924-1929 гг; формирование преподавательского состава; советская образовательная политика; formation of the historical-ideological component; education system of the Khorezm region; Uzbekistan in 1924-1929; formation of the teaching staff; Soviet educational policy.